

ТИХООКЕАНСКАЯ ЗВЕЗДА

ОРГАН ХАБАРОВСКОГО КРАЙКОМА ВКП(б) И КРАЕВООГО СОВЕТА ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ

№ 159 (4834)

ВОСКРЕСЕНЬЕ

6

ИЮЛЯ 1941 г.

Цена 15 коп.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА

От Советского Информбюро.

ВТОРАЯ СТРАНИЦА

Зарубежные отклики на выступление по радио товарища Сталина. Все силы — на поддержку нашей героической Красной Армии, нашего славного Красного Флота! Боевые эпизоды.

ТРЕТЬЯ СТРАНИЦА

Немецкие писатели о гитлеровском ремне. Фашизм — злейший враг человечества.

ЧЕТВЕРТАЯ СТРАНИЦА

Иностранная печать о боевой мощи и перспективах героической борьбы Красной Армии. Движение солидарности с Советским Союзом. Действия английской авиации.

Покончить с благодушием и беспечностью

МОГУЩИМ призывным набатом разнеслось по всей земле Советской наступление по радио Председателя Государственного Комитета Обороны товарища Сталина.

Товарищ Сталин показал, что для ликвидации опасности, нависшей над нашей родиной, для разгрома врага необходимо прежде всего, чтобы советские люди подняли всю глубину опасности и открылись от благодушия, от беспечности, от настроений мирного строительства, пугавших в условиях войны с жестоким и коварным врагом.

На митингах и собраниях рабочие, колхозники, интеллигенция выражают свою пламенную любовь к советской родине, свою готовность пойти на любые жертвы для защиты отечества.

Храбрость, отвага, негибкое страхе в борьбе, готовность биться с врагом до последней капли крови — такими качествами обладает советский воин.

Нам нужна величайшая организованность, собранность воли и действий, мысли и чувства. Вся деятельность великого советского народа должна быть направлена к единой цели: победе над врагом.

Подготовка населения к противовоздушной обороне

Из беседы с председателем Центрального Совета Осоавиахима СССР генерал-майором авиации г. Кобелевым.

В переживаемые нашей родиной грозные дни огромную работу предстоит выполнить организации Осоавиахима — многофункционального оборонного общества советских патриотов.

Центральный Совет Осоавиахима СССР разработал подробную программу, обеспечивающую выполнение решения СНК СССР об обязательной подготовке населения по нормам «Плана к противовоздушной и противохимической обороне».

Немцы и итальянцы решили использовать болгарские порты против СССР

БРИСБЕН, 4 июля. (ТАСС). По имеющимся сведениям, немцы и итальянцы решили, ввиду разгрома Балтийской советской авиации, использовать болгарские порты Барна и Бургас, как базы для действий германско-итальянских военных сил против советских портов.

ОТ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО (ВЕЧЕРНЕЕ СООБЩЕНИЕ)

В течение всего дня 4 июля шли ожесточенные бои на Двинском, Борисовском, Бобруйском и Тарнопольском направлениях.

В боях на Двинском направлении противник ввел крупные танковые соединения, вслед за которыми наступала мотопехота.

Наши войска стойко удерживали свои позиции, нанося танкам противника большой урон. Только с вводом в бой резервов противника наши войска отошли на следующий рубеж.

Одновременно крупные бои разворачивались в районе Лепель, где наши войска успешно отбивали многочисленные атаки танковых частей противника.

Весь день шли упорные бои под Тарнополем, где крупные мотомеханизированные части противника стремились прорваться через фронт наших войска на юго-восток.

По уточненным данным, за вчерашний день наша авиация сбила 62 самолета противника.

Лживая германская пропаганда ежедневно распространяет измышления и небезысходные фантастические количества пленных, якобы захваченных немцами, и не менее фантастические данные о потерях советских войск танками и самолетами.

Следует только добавить, что германская пропаганда тщательно скрывает от немецкого народа тот факт, что в результате героического сопротивления советских войск лучшие дивизии немецко-фашистских войск оказались разбитыми Красной Армией.

Решительной перестройкой всей работы на военный лад отвечает Советская страна на призыв своего вождя — товарища Сталина.

После речи товарища Сталина десятки тысяч ленинградцев вступили в народное ополчение. На митинге рабочих и служащих завода имени Фрунзе с огромным воодушевлением принята резолюция, в которой участники митинга покаялись все, как один, в отсутствии оружия.

На тридцати орденноносном Кировском заводе в первых рядах добровольцев народного ополчения идут старые рабочие, ветераны гражданской войны, Расточник турбинного цеха тов. Емельянов в годы гражданской войны с оружием в руках защищал молодое Советское государство.

Теперь, когда над Советской страной вновь нависла серьезная опасность, он вступает в народное ополчение. Вместе с ним идет его сын, 17-летний Виктор — токарь турбинного цеха. Дочь тов. Емельянова — Антонина, также работница Кировского завода, будет оказывать медицинскую помощь раненым бойцам.

Молдавский народ дает отпор фашистским захватчикам. Действующая Армия, 4 июля. (Спецкорр. ТАСС). Во всех селах Бессарабии, даже в пограничных деревнях, видны которые ежедневно проследить острое схватки с противником, советскими работниками колхозники и крестьяне-единоличники.

Завтра дыхание, люди слушали запалающие глубоко в душу слова вождя и друга — о жестокости коварного врага, вероломстве кровавых гитлеровских псов, призыв к бдительности, организованности, сплоченной силе для отпора фашистским ордам.

Непостижимы силы свободных народов Советского Союза! Быстро растут когорты народного ополчения. На столе секретаря парткома протопленного цеха лежит лист бумаги. Он весь испещрен фамилиями. Сражу же после стихийного возникшего митинга слова стали группами и в одиночку приходили рабочие, служащие, инженеры.

Через село С. прохладит колонна войск. Ее окружают крестьяне. Они приносят красноречивым хлебу, фруктам, напаребей предлагают угощения. Пожилая крестьянка с корзинкой вишен подходит к командиру.

Неподдачку от села П. противник высадил десант. Врагу удалось овладеть краем деревни. Крестьяне бросились на неприятеля. Промошел ожесточенный бой. Многие защитники села были убиты, но врагу не удалось овладеть деревней.

Возьмите, родные, ответайте наших людей, — говорит она.

Неподдачку от села П. противник высадил десант. Врагу удалось овладеть краем деревни. Крестьяне бросились на неприятеля. Промошел ожесточенный бой. Многие защитники села были убиты, но врагу не удалось овладеть деревней.

Врагу досталась лишь грудная развалина. Действующая Армия, 4 июля. (ТАСС). Враг неожиданно напал на пункт В. Группа работников местной почты — заместители начальника конторы связи тов. Ганин, телефонистки гг. Брыжова, Ефремова, Шевякова и другие в течение 40 минут под ураганным огнем вражеской артиллерии и авиации связи и вывели из строя линию связи.

Когда враг подошел к пункту, в контроле связи находилась начальная отделения и колхозница-писмочовка. Чтобы враг не сумел воспользоваться советским добром, отважные связистки подожгли помещение телефонного коммутатора и разоружили телефонный аппарат.

Завтра дыхание, слушали 3 июля трудящиеся всего Советского Союза выступление по радио вождя нашей партии — Председателя Государственного Комитета Обороны товарища Сталина.

После митинга начинается запись в народное ополчение. В его ряды вступают молодые люди Иван Яблунин, Дмитрий Сублин, Степанович-инструментальщик — участник боев с белофиннами — Виктор Смирнов и другие.

В народное ополчение вступили и все без исключения рабочие и служащие лесопильного завода.

На митинге коллектива машиностроительного завода имени Орджоникидзе в Краматорске принята резолюция, в которой рабочие, инженерно-технические работники и служащие заверяют товарища Сталина, что не позволят ни сил, ни жизни для уничтожения врага человечества — провального фашизма.

Нескользящим потоком поступают от трудящихся нашей родины — патриотов своего социалистического отечества — заявления о желании немедленно взять в руки оружие для защиты родной земли.

коп, награжденный Орденом Красного Знамени, механик В. О. Цило-сани и другие участники гражданской войны возглавляют боевые подразделения народного ополчения, сформированные из рабочих Кировского завода.

Пламенные резолюции принимаются на своих митингах трудящиеся Советской Украины.

Вместе с трудящимися городов Советского Союза мобилизует свои неисчислимые силы на борьбу с фашистскими ордами и колхозное крестьянство.

Энская эскадрилья самолетов получила задание сорвать переправу фашистов через реку.

В пограничных районах советские железнодорожники ни на минуту не прекращают работы во время налетов фашистской бомбардировочной авиации.

В лесу около городка Н. был расположен пионерский лагерь. Вечером пионеры заметили кружившийся над лесом самолет.

Героическая борьба Красной Армии с германским фашизмом находит широкое отражение на страницах иностранной печати.

Служащие и интеллигенция многих предприятий по окончании занятий в учреждениях и в выходные дни работают на силе.

Служащие и интеллигенция многих предприятий по окончании занятий в учреждениях и в выходные дни работают на силе.

Служащие и интеллигенция многих предприятий по окончании занятий в учреждениях и в выходные дни работают на силе.

Служащие и интеллигенция многих предприятий по окончании занятий в учреждениях и в выходные дни работают на силе.

Служащие и интеллигенция многих предприятий по окончании занятий в учреждениях и в выходные дни работают на силе.

Служащие и интеллигенция многих предприятий по окончании занятий в учреждениях и в выходные дни работают на силе.

Служащие и интеллигенция многих предприятий по окончании занятий в учреждениях и в выходные дни работают на силе.

Служащие и интеллигенция многих предприятий по окончании занятий в учреждениях и в выходные дни работают на силе.

Служащие и интеллигенция многих предприятий по окончании занятий в учреждениях и в выходные дни работают на силе.

Служащие и интеллигенция многих предприятий по окончании занятий в учреждениях и в выходные дни работают на силе.

Служащие и интеллигенция многих предприятий по окончании занятий в учреждениях и в выходные дни работают на силе.

Служащие и интеллигенция многих предприятий по окончании занятий в учреждениях и в выходные дни работают на силе.

Служащие и интеллигенция многих предприятий по окончании занятий в учреждениях и в выходные дни работают на силе.

Служащие и интеллигенция многих предприятий по окончании занятий в учреждениях и в выходные дни работают на силе.

Служащие и интеллигенция многих предприятий по окончании занятий в учреждениях и в выходные дни работают на силе.

Служащие и интеллигенция многих предприятий по окончании занятий в учреждениях и в выходные дни работают на силе.

Служащие и интеллигенция многих предприятий по окончании занятий в учреждениях и в выходные дни работают на силе.

Служащие и интеллигенция многих предприятий по окончании занятий в учреждениях и в выходные дни работают на силе.

Служащие и интеллигенция многих предприятий по окончании занятий в учреждениях и в выходные дни работают на силе.

Служащие и интеллигенция многих предприятий по окончании занятий в учреждениях и в выходные дни работают на силе.

Немецкие писатели о гитлеровском режиме

Фашизм — злейший враг человечества

Ложь и насилие

Страна готовилась к войне. Подготовку вели и внутри и за пределами границы.

Лион ФЕЙХТВАНГЕР

... три месяца фашистского господства в стране насчитали пятьсот девяносто три беззаконных убийства...

Ложь и нищета переплетались друг с другом. «Свобода и хлеб» в устах фашистов означало: свободу для них — убивать своих противников...

В таком же духе воспитывалась молодежь. Ей внушали, что война вовсе не проиграна, что германский народ — самый благородный в мире...

В этой фашистской Германии не существовало преступлений злее, чем приверженность к здоровому смыслу, приверженность к идее мира и к принципам правды.

Ложь и насилие переплетались друг с другом. Фашисты отменили принципы, которые со времени французской революции лежали в основе цивилизации белой расы.

В эту пору в Германии научились лгать. Вслуш фашистов прославляли, а втайне проклинали. Одевались в коричневый цвет фашизма...

В берлинском предместье Кененик была казарма штурмовиков, известная под названием «Демут» (Смирение). Казарма эта пользовалась печальной славой...

Безумием и ложью являлось все, что делали и привязывали властители Третьей Империи. Ложью были их слова, и ложью было их молчание.

Страна стонала. Но она травила покой и порядок. Столпом этого порядка было шестьсот тысяч лагисекретов, фундаментом его состоял из ста тысяч заключенных.

Иоганнес БЕХЕР.

ГЕРМАНИЯ

Я думал, что познал любовь и страсть. Но лишь теперь любовь во мне зажглась: Любовь не к человеку, а к стране...

О нет, мне от тебя не убежать, С тобой должен каждый день встречать, А ночью, как я ни заткнул бы уши, Твой голос все ж в ночи мой сон нарушит.

И имя каждое и каждое название С собой унес в суровое изгнание, И повторю их я все нежней, И бережно храню до лучших дней.

Граница. Я стою. О ветер, вой! О родине-тюрьме мне песню пой! О братьев, что томятся в заточенье, Привет твоё доносит дунувенье.

Но с ними я и здесь не разлучен, Одним стремленьем с ними я сплочен. Когда ж народная свершится воля, Мы встретимся, чтоб не расстаться боле.

Колыбельная

Спи, сынок, молчи, дружок. Папу нашего не брани, Дяди только пошутят, Смышлись, как грубиян в рожок!

Спи, сынок, молчи, дружок. В папу только не стреляй, Дяди только поиграй, Папа вышел на лужок.

Спи, сынок, молчи, дружок. Ничего здесь не случалось, Это все тебе приснилось, Спи, сынок, молчи, дружок.

Я молчу! Молчи и ты! Смышлись, вновь трясут горнисты. Если правду скажешь ты, И тебя убьют фашисты!

Проклятая банда

«Проклятой бандой» вас назвать не ново, Вас окрестил так уже давно, Коричневым бандам все равно, Как их зовут. Они на все готовы.

Но часто я себя корю сурово: Уж не был ли я с вами заодно Хотя бы тем, что не нашла я слова, Чтоб насмерть вас ужалило оно.

О, если б мог из слов и сделать смесь, Такую ядовитую, чтоб каждый Из вас, глотнув ее, сокрушил весь И слух, как пес, забесшмыслился от жажды.

То, глазом не моргнув, я в тот же час Такою смесью угостил бы вас.

ЛОВУШКА

Проходит несколько дней и ночей, а узников больше не избивают. С шестнадцатого марта по ночам в камерах тихо, как в могиле.

Вилли БРЕДЕЛЬ

Арнольд повинует-ся. Они снимают с него кандалы. Молча ведут по лестнице из подвала.

Чтобы побороть волнение, Арнольд глубоко втягивает в себя воздух. Чем кончится вопрос? Что они знают? Что с ним сделают, если он откажется давать показания?

На втором этаже, рядом с лестницей, находится караульное помещение. Людом к стене стоят несколько заключенных. Арнольда проволот мимо. В конце коридора еще одна лестница. Она поднимается на четвертый этаж.

Каждый день Арнольд жлет, не останется ли кальфактор* с ним с глаз на глаз. Он хочет спросить, что происходит там, наверху. Но охранники не отходят от кальфакторов ни на шаг.

Онажды, в неурочный час, он слышит стук сапог, спускающихся в подвал по лестнице. Он настаивается. Куда они идут? Шаги приближаются. Арнольд вскакивает и становится спиной к стене, под окном.

И лишь толстятка распыляется в едва заметную ушмешку. По его взгляду так упорно и долго покоится на лице Арнольда, что тот, наконец, опускает глаза.

На столе лежит целая груда разноцветных листов. Зеленые, красные, белые, синие — всех цветов радуги — они разбросаны в полном беспорядке.

много перед ним человека. Опять эта ушмешка, полная сарказма и коварства... Что это? Как бы невзначай, Арнольд еще раз бросает взгляд на кучу листовок, но теперь уже наиротнее зренье... Он не может разобрать. Печать слезного мелка...

— Ну, провозмощи, наконец, инспектор, так разве вас на самом деле зовут Бангерг?.. Алольф Бангерг?

— Да.—И вдруг мысль: листовки... те самые листовки, которые они отнесли мне вместе с Гейпем... Тот самый текст, который казался Гейпцу слишком кучным...

Ага, он испытывает меня. Хочет видеть, как я себя буду держать, когда увижу эти листовки... Не подлавать вогла. Не смотреть на стол. Я ничего не знаю, ничего не замечаю.

— Почему у вас такой вид? — спрашивает толстятка. — Разве вы не умиляе-тесь?

— Нет. — Почему? — Я в кандалах.

— Та...ак. А все-таки умиляться надо. Я вам это сейчас устрою.—Толстятка поднимается с места. Он ниже Арнольда. Указав ему раковину, он говорит:—Умой-тесь, пока я вернусь.—И выходит.

Арнольд стоит в изумлении посреди комнаты. Дверь захлопнулась. Он остался один. Выглянуть... хоть одним глазом... Но ведь в комнате никого нет. Выглянуть, будто случайно... А зачем он оставил меня одного?.. Нет, не смотреть, не вылавить себя, сохранять полное спокойствие...

Подойдя к раковине, Арнольд спмизает пиджак, закатывает рукава рубашки и начинает мыться... Конечно, это ловушка. Кеплер знал, что мне поручена работа в комсомол. О чем они меня будут спрашивать? Неужели они и сейчас за мной

наблюдают? Но как? Может быть, через потайные отверстия в стене. Может быть, даже фотографируют каждое мое движение. Или все это чужья, игра воображения...

Почту мыться, полюбил к столу в взгляду мимолохом на эти листовки... Только не спеша. Спокойно. Спокойно... По крайней мере, хоть вымыться как следует.

Как приятно умыться после такого длительного перерыва... Прикосновение мыла и теплой воды доставляет ему наслаждение.

Когда толстятка вошел в комнату, Арнольд еще стоял перед раковиной и вытирал лицо. Он спешит покончить с этим и подходить к письменному столу.

— Большое спасибо. — За что? — За то, что вы разрешили мне умыться.

На лице толстятка шпрояла, самоловная улыбка. — Вот теперь вы по крайней мере похожи на человека... Скажите, сколько вам лет?

— Тридцать. — Гм... В ваши годы не швыряются жизнью.

И так как Арнольд продолжает молчать, он спрашивает: — Вы кажетесь хотели сами поставить точку, не так ли?

— Да. — Каккая неловкость. Ведь у вас еще все впереди... Не так ли?

— Возможно. — И в общем дело вовсе не так плохо, как вам кажется... Конечно, при том условии, что вы будете себя держать разумно, а не мяться на всех парах навстречу своей гибели... А?

— Да, возможно. — Ну, вот, и прекрасно... Теперь скажите мне, как вас зовут. — Алольф Бангерг. — Ну, ну... Послушайте, милейший, мы знаем гораздо больше, чем вы предполагаете. Для вас же лучше, если вы расскажете сами, не дожидаясь, пока я

В карцере

Я или впереди охранника и направ-ляюсь к канцелярии. Но охранник гово-рит:

— Нет, сюда, вниз! — и велит меня с первого этажа вниз и затем по железной лестнице, в подвал.

«Странно, — думаю я, — почему следователь не сидит в канцелярии?». Мой спутник отпирает железную дверь. За этой дверью маленькая переизья, потом вторая дверь. Он открывает ее и вводит меня в совершенно пустую камеру. Ни стола, ни кровати, ни шкафа. Только голый, каменный пол, побеленные высокие стены и пол потолка маленькое окно из толстого стекла. Летящий холод.

— Положи, — говорит охранник и исчезает.

Я остаюсь один. Чувство неуверенности охватывает меня. Почему сюда? Зачем эти приготовления? Где следователь? Дверь позани меня тихо открывается. Шесть или семь охранников входят и запирают ее за собой.

Они смотрят на них, и мне тотчас же ясно, что они против меня замшляют. И не труслив, но у меня ползаниваются лоси. Охранник безмолвно становится вокруг и смотрит на меня.

Один вытаскивает из кармана маленький желтый листок, подносит его к своим глазам и говорит спокойно и приветливо:

— Знакомы тебе эти имена?

С тревогой беру листок. Это имена лассельофских врачей и архитекторов. Ни одного из них я не знал лично.

— Нет. Охранник отбирает у меня листок и кивает своим коллегам.

— Ты должен, однако, сказать правду. Знаешь, лучше всего правду. И все это спокойно, тихо, приветливо. — Само собой разумеется! Я и говорю правду, — отвечаю я, и вижу, как один из них отстегивает от пояса резиновую дубинку.

Словно шута, он слегка хотрагивается ею до моей груди.

Я отступаю назад и наталкиваюсь на охранника, стоящего за моей спиной...

— Значит, как же теперь, — скажете правду? Посмотри-ка сюда, — он извешивает свою резиновую дубинку на руке. — Порадуют вас. Попробовать разок?

Он наносит мне дубинкой легкий удар по уху. Это послужило знаком для остальных.

— Говори правду! — кричит другой охранник и бьет меня изо всей силы по голове.

— Говори правду! Говори правду! — кричат теперь все в такт, и на меня обрушиваются тупые, тяжелые удары. Я закрываю лицо обеими руками. Пробую укрывшись, насколько это возможно.

Начинаю громко кричать от боли: — Зат-ни глот-ку! — каждый слог сопровождается ударом. Они входят в раж. Тяжело дышат. Их ярость возрастает с каждым ударом. Я падаю на колени. Они поднимат меня и снова бьют. Я падаю опять. Они снова поднимают и ставят меня к стене.

Я уже почти ничего больше не вижу. Все плывет перед глазами...

— Кончено! Теперь тебе — крышка! — Один вынимает из кобуры револьвер и подносит его к моему лицу.

Вольфганг ЛАНГХОФФ

— Говори, куда спрятали оружие? Я больше не знаю, что говоришь. Пот и кровь ручьями текут по телу. В голове одна мысль: «Скорей, скорей! Скорей бы кончилась!»

— Нет, сюда, вниз! — и велит меня с первого этажа вниз и затем по железной лестнице, в подвал.

«Странно, — думаю я, — почему следователь не сидит в канцелярии?». Мой спутник отпирает железную дверь. За этой дверью маленькая переизья, потом вторая дверь. Он открывает ее и вводит меня в совершенно пустую камеру.

Ни стола, ни кровати, ни шкафа. Только голый, каменный пол, побеленные высокие стены и пол потолка маленькое окно из толстого стекла. Летящий холод.

— Положи, — говорит охранник и исчезает.

Я остаюсь один. Чувство неуверенности охватывает меня. Почему сюда? Зачем эти приготовления? Где следователь? Дверь позани меня тихо открывается. Шесть или семь охранников входят и запирают ее за собой.

Они смотрят на них, и мне тотчас же ясно, что они против меня замшляют. И не труслив, но у меня ползаниваются лоси. Охранник безмолвно становится вокруг и смотрит на меня.

Один вытаскивает из кармана маленький желтый листок, подносит его к своим глазам и говорит спокойно и приветливо:

— Знакомы тебе эти имена?

С тревогой беру листок. Это имена лассельофских врачей и архитекторов. Ни одного из них я не знал лично.

— Нет. Охранник отбирает у меня листок и кивает своим коллегам.

— Ты должен, однако, сказать правду. Знаешь, лучше всего правду. И все это спокойно, тихо, приветливо. — Само собой разумеется! Я и говорю правду, — отвечаю я, и вижу, как один из них отстегивает от пояса резиновую дубинку.

Словно шута, он слегка хотрагивается ею до моей груди.

Я отступаю назад и наталкиваюсь на охранника, стоящего за моей спиной...

— Значит, как же теперь, — скажете правду? Посмотри-ка сюда, — он извешивает свою резиновую дубинку на руке. — Порадуют вас. Попробовать разок?

Он наносит мне дубинкой легкий удар по уху. Это послужило знаком для остальных.

— Говори правду! — кричит другой охранник и бьет меня изо всей силы по голове.

— Говори правду! Говори правду! — кричат теперь все в такт, и на меня обрушиваются тупые, тяжелые удары. Я закрываю лицо обеими руками. Пробую укрывшись, насколько это возможно.

Начинаю громко кричать от боли: — Зат-ни глот-ку! — каждый слог сопровождается ударом. Они входят в раж. Тяжело дышат. Их ярость возрастает с каждым ударом. Я падаю на колени. Они поднимат меня и снова бьют. Я падаю опять. Они снова поднимают и ставят меня к стене.

Я уже почти ничего больше не вижу. Все плывет перед глазами...

— Кончено! Теперь тебе — крышка! — Один вынимает из кобуры револьвер и подносит его к моему лицу.

— Говори, куда спрятали оружие? Я больше не знаю, что говоришь. Пот и кровь ручьями текут по телу. В голове одна мысль: «Скорей, скорей! Скорей бы кончилась!»

— Нет, сюда, вниз! — и велит меня с первого этажа вниз и затем по железной лестнице, в подвал.

«Странно, — думаю я, — почему следователь не сидит в канцелярии?». Мой спутник отпирает железную дверь. За этой дверью маленькая переизья, потом вторая дверь. Он открывает ее и вводит меня в совершенно пустую камеру.

Ни стола, ни кровати, ни шкафа. Только голый, каменный пол, побеленные высокие стены и пол потолка маленькое окно из толстого стекла. Летящий холод.

— Положи, — говорит охранник и исчезает.

Я остаюсь один. Чувство неуверенности охватывает меня. Почему сюда? Зачем эти приготовления? Где следователь? Дверь позани меня тихо открывается. Шесть или семь охранников входят и запирают ее за собой.

Они смотрят на них, и мне тотчас же ясно, что они против меня замшляют. И не труслив, но у меня ползаниваются лоси. Охранник безмолвно становится вокруг и смотрит на меня.

Один вытаскивает из кармана маленький желтый листок, подносит его к своим глазам и говорит спокойно и приветливо:

— Знакомы тебе эти имена?

С тревогой беру листок. Это имена лассельофских врачей и архитекторов. Ни одного из них я не знал лично.

— Нет. Охранник отбирает у меня листок и кивает своим коллегам.

— Ты должен, однако, сказать правду. Знаешь, лучше всего правду. И все это спокойно, тихо, приветливо. — Само собой разумеется! Я и говорю правду, — отвечаю я, и вижу, как один из них отстегивает от пояса резиновую дубинку.

Словно шута, он слегка хотрагивается ею до моей груди.

Я отступаю назад и наталкиваюсь на охранника, стоящего за моей спиной...

— Значит, как же теперь, — скажете правду? Посмотри-ка сюда, — он извешивает свою резиновую дубинку на руке. — Порадуют вас. Попробовать разок?

* Кальфакторы — младший обслуживающий персонал из числа заключенных.

(Из романа «Твой неизвестный брат».)

